

«С БОГОМ ЗА КОРОЛЯ И ОТЕЧЕСТВО!» ВОЙНА И РЕЛИГИЯ В ПРУССИИ В ГОДЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ВОЙН (1813 – 1815 гг.)

Д. В. Стерхов

Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова
Россия, 117997 г. Москва, ул. Островитянова, 1

✉ Стерхов Дмитрий Владимирович – enkiddu@mail.ru

В статье исследуется влияние религиозного фактора на формирование военно-патриотической идеологии в Пруссии в годы Освободительных войн (1813 – 1815 гг.). В начале статьи автор рассматривает вопрос о том, как на рубеже XVIII – XIX вв. менялось отношение немецкого общества к войне и отмечает, что подобные процессы в Пруссии складывались под влиянием войн с Францией. Переломным моментом выступает 1813 год, когда прусское политическое руководство было вынуждено предпринимать меры для мобилизации населения на освободительную борьбу против наполеоновской Франции. В основной части статьи автор более подробно останавливается на том, как в качестве мобилизационных факторов использовались религиозные символы и способы интерпретации. Особое внимание уделяется традиционному христианскому символу – кресту. Важной фигурой патриотической пропаганды становится Иисус Христос, чья мученическая гибель стилизуется как смерть во имя народа и Отечества. В качестве ещё одного средства воздействия на общественное мнение служили религиозно-патриотические праздники, организуемые в честь военных побед, одержанных над врагом. Образ врага (Наполеона, французов) также конструировался с помощью религиозной аргументации. В данном контексте война с наполеоновской Францией трактовалась как справедливая и священная. Почитание погибших на полях сражений героев Отечества носило черты христианского культа. В заключении автор делает вывод о значимости религиозного фактора в процессах модернизации европейских обществ начала XIX века, примером чему может служить Пруссия в эпоху Наполеоновских и Освободительных войн.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, Освободительные войны, Пруссия, общество и война, религиозный патриотизм, Ландвер, патриотическая проповедь, модернизация, Наполеон Бонапарт, Герхард фон Шарнхорст.

“WITH GOD FOR KING AND FATHERLAND!” WAR AND RELIGION IN PRUSSIA DURING THE WARS OF LIBERATION (1813 – 1815)

D. V. Sterkhov

Pirogov Russian National Research Medical University
1 Ostrovityanova St., 117997 Moscow, Russia

✉ Sterkhov Dmitry – enkiddu@mail.ru

The article touches upon the significance of the religious factor for the formation of the patriotic ideology in Prussia during the Liberation Wars (1813 – 1815). The author begins with exploring how radically the image of war was changing in the German political thought in the beginning of the 19th century. In Prussia the new image of war was being created under the pressure of constant conflicts with Napoleonic France. The year 1813 turned out to be crucial in this effect since the Prussian government was compelled to mobilize the Prussian society to participate in the new war against Napoleon. The author points out that the newly created patriotic propaganda in Prussia was broadly using religious symbols and sings in order to ascertain effective mobilization of the masses. One of the most popular religious and patriotic symbols became the Holy Cross. The central figure of the war propaganda was Jesus Christ whose martyr death was stylized as holy sacrifice on the altar of the Fatherland. In order to support the patriotic feelings in the population the Prussian government organized religious celebrations that were supposed to emphasize the victories of the Prussian and allied armies over the French. The image of the enemy (Napoleon Bonaparte, the French nation) was also heavily loaded with religious symbol. In this interpretation the war against the Napoleonic France was treated as fair and holy. The veneration of those who lost their life on the battlefield fighting for king, nation and fatherland was similar to the cult of the Christian martyr. The example of Prussia can give strong evidence that religion might have played a key role in the modernization process of the European societies in the beginning of the 19th century.

Keywords: Napoleonic Wars, Wars of Liberation, Prussia, war and society, religious patriotism, Landwehr, patriotic sermon, modernization, Napoleon Bonaparte, Gerhard von Scharnhorst.

Историки и социологи давно обратили внимание на важность религиозного фактора в процессе формирования европейских (и не только европейских) национальных идеологий. Классическим трудом по этой проблеме была монография крупного американского исследователя и дипломата Карлтона Хейза, вышедшая в 1960 году. В своей работе «Национализм – религия» Хейз одним из первых обращал внимание на тот факт, что практически любая национальная идеология строится на терминах и понятиях, схожих с религиозными, исходя из чего автор делал вывод о том, что национализм может рассматриваться в качестве особой религии [15, pp. 164-172]. Особое внимание религии как одному из истоков

национализма уделяют и многие современные исследователи [14, 27]. Другой американский историк, Арли Хувер, отмечал то обстоятельство, что на протяжении XIX века и даже накануне Первой мировой войны религиозные символы и образы продолжали играть важную роль в национальном дискурсе европейских народов, в частности немцев [18, pp. 2-3]. Первым примером массового всплеска религиозно обоснованного национализма в Европе многие современные авторы считают эпоху Наполеоновских войн, не случайно и Арли Хувер начинает свою работу именно с Наполеона. Национально-патриотические идеи, конструируемые на основе религиозной (христианской) терминологии, найдут массовое

распространение в Германии именно в начале XIX века, а также лягут в основу политики многих немецких государств. Подобный симбиоз национально-патриотической идеологии и религии многие современные авторы объясняют тем, что традиционные библейские образы и понятия, известные в то время каждому человеку с детства, служили наиболее эффективным средством мобилизации населения на защиту своей страны и борьбы против национального врага [11, р. 146]. Религия апеллировала к чувствам и эмоциям людей, а также предоставляла привычные способы интерпретации политических событий, по этой причине христианская символика в начале XIX века являлась главным средством конструирования национально-патриотической идеологии.

Эпоха Наполеоновских войн стала переломным моментом в европейской истории и в другом аспекте. Именно в этот период кардинальным образом меняется отношение общественного мнения (в первую очередь образованных слоёв населения) к войне. Образ войны в европейской политической мысли менялся на протяжении веков. Для Средневековья было характерным представление о справедливой войне, целью которой является восстановление справедливости и нарушенного законного порядка, в раннее Новое время (XVI – XVII века) война начинает восприниматься как тяжёлая ноша, злой рок, ниспосланное Богом испытание, которое нужно переносить с истинно христианским смирением и терпеливо ожидать его окончания [19, pp. 72, 79]. XVIII столетие было временем кабинетных войн, которые вели правительства и монархи европейских стран ради своих политических и династических интересов, оторванных от интересов общества. Для образованного бюргерства XVIII века война воспринималась в негативном контексте как нечто вредное, опасное и противоречащее ценностям рациональности и разумности. Общество было оторванным от военных действий, практически не принимало в них участия и никоим образом не ассоциировало себя с целями войны, которую в своих узких, непонятных широким слоям населения интересах (присоединение новых территорий, достижение баланса сил в Европе) вело государство [5, pp. 170-171]. Деятели эпохи Просвещения раздумывали над тем, как прекратить все войны в Европе и добиться «вечного мира» для европейских народов (свои проекты предлагали такие видные просветители, как Руссо, Лессинг, Лейбниц, Смит и Бентам). Наиболее последовательно идею «вечного мира» отстаивал крупнейший немецкий философ Иммануил Кант [22, pp. 199-200]. Некоторые изменения в отношении к войне можно наблюдать ближе к концу XVIII века, особенно в литературе классицизма, когда постепенно стали возрождаться античные представления о доблестной и почётной смерти во имя Родины (подобные мотивы можно встретить в трудах Клопштока, Гёльдерлина, Шиллера). Однако даже у тех авторов, кто в отношении к войне ориентировался на античные мотивы, можно наблюдать парадоксальное сочетание воспевания войны и иренических настроений [31, pp. 131, 144-145].

Революционные и Наполеоновские войны открывают абсолютно новую эпоху в европейской военной истории; некоторые историки даже говорят о самой настоящей революции в военном деле [4, р. 77]. На смену кабинетным войнам XVIII приходит война нового типа – во имя Родины, народа, нации. Главным участником военных действий становится не наёмник или призванный в результате рекрутского набора солдат, а бюргер, гражданин, который воюет ради защиты своего Отечества, своих прав и свобод. В это время появляются массовые национальные армии, во многих странах Ев-

ропы вводится всеобщая воинская повинность, в результате чего общество не отделено от войны, а является прямым участником военных действий, ассоциирует себя с теми военными целями, во имя которых государство начинает войну. Война теперь становится делом всего народа, всей нации, во имя которой она и ведётся – не случайно современные исследователи говорят о национализации войны в начале XIX века [3, р. 107]. Ещё одна важная черта, которую отмечают военные историки – экзистенциальный характер войны, цель которой не просто завоевание территорий, а сохранение политического коллектива и полное уничтожение противника. Как считают некоторые авторы, именно в эпоху Революционных и Наполеоновских войн впервые появляется идея тотальной войны против «исконного», национального врага во имя спасения собственной нации [8, pp. 87-88]. В связи с этим изменялось и отношение общества к войне: из абсолютного зла она превращается в естественный и даже необходимый фактор существования государств и народов.

Описанные выше изменения имели место в первую очередь в революционной Франции, где в 1790-е годы была создана первая в Европе национальная армия. В Германии же подобные процессы стали возможными лишь в связи с наполеоновской экспансией. Ярким примером здесь может служить Пруссия, где первые попытки массовой мобилизации населения на защиту государства относятся только к 1813 году. Однако стоит отметить, что некоторые прусские военные деятели ещё в конце 1790-х выступали за активные реформы в военной сфере по французскому образцу. Так, знаменитый прусский генерал Герхард фон Шарнхорст в 1797 году опубликовал работу «Исследование общих причин военных успехов французов в Революционной войне», в которой он объяснял победы французской армии тем, что именно во Франции благодаря введению всеобщей воинской повинности был преодолен разрыв между гражданином и солдатом. Накануне войны с Францией в 1806 году Шарнхорст подал прусскому королю Фридриху Вильгельму III меморандум с предложением создать в Пруссии национальную милицию по французскому образцу. Согласно идее Шарнхорста, следовало мобилизовать население королевства на защиту Отечества, война должна была стать делом всей прусской нации [23, pp. 208, 210]. Однако политическое руководство страны не прислушалось к советам генерала, в итоге Пруссия потерпела поражение и как государство оказалась на грани уничтожения.

Тем не менее, прусский король извлек уроки из поражения в войне с Францией: с 1808 года в Пруссии начинается целая серия военных реформ, цель которых заключалась не только в техническом перевооружении армии, но и в восстановлении престижа и авторитета военного сословия, изменении отношения общества к войне. При проведении преобразований военные реформаторы руководствовались формулой Шарнхорста: «Все жители государства являются прирождёнными защитниками своего Отечества». Планы реформаторов простирались настолько далеко, что в случае необходимости даже предусматривали создание прусской национальной милиции (Ландвера) и введение всеобщей воинской повинности для мужского населения страны [25, р. 169]. Однако в условиях наполеоновского господства в Германии воплотить все эти проекты оказалось невозможным. Во время похода Наполеона против России в 1812 году Пруссия оставалась союзницей Франции и была вынуждена предоставить войска для наполеоновской армии, что вызывало скрытое недовольство и сопротивление со стороны военного

сословия.

Шанс осуществить замыслы генерала Шарнхорста представился весной 1813 года, когда прусское правительство решилось на полный разрыв с Францией. После поражения Наполеона в России прусский король Фридрих Вильгельм III занял выжидательную позицию, не уверенный в том, решится ли император Александр I перенести военные действия против Франции далее в Европу или всего лишь удовольствуется изгнанием врага за пределы Российской империи. События января 1813 года свидетельствовали о решимости российского императора продолжать военные действия: в конце месяца русские войска заняли Восточную Пруссию, где в начале февраля 1813 года была создана первая в истории прусского государства национальная милиция – Ландвер. Дабы не потерять контроль над ситуацией, в конце февраля Фридрих Вильгельм III отправляет к Александру I Герхарда фон Шарнхорста для ведения переговоров о заключении союза. Калишский союзный договор, подписанный 28 февраля Шарнхорстом с прусской стороны и фельдмаршалом Кутузовым с российской, стал началом новой, шестой по счёту антифранцузской коалиции. Прусский король окончательно решился на разрыв с Наполеоном. 17 марта 1813 году Пруссия объявила Франции войну [12, pp. 48-49].

Прусское политическое руководство помнило о катастрофическом поражении 1806 года, прусский король и его окружение понимали, что бороться с Францией устаревшими методами в духе кабинетных войн XVIII века было уже невозможным. Для достижения победы требовалась полная реорганизация военного дела и, в первую очередь, массовая мобилизация населения. С самого начала войны в Пруссии разворачивается масштабная военно-патриотическая пропаганда, и как раз на примере прусского королевства мы можем наблюдать соединение двух тенденций, сложившихся в начале XIX века – нового понимания войны и религиозно обоснованной национально-патриотической идеологии. Прусская государственная пропаганда в годы Освободительных войн будет конструироваться на основе христианской символики, а религия станет важнейшим мобилизационным фактором.

Само начало военных действий против наполеоновской Франции будет облечено в религиозные формы. В день объявления войны, 17 марта 1813 года, Фридрих Вильгельм III издал знаменитый манифест «К моему народу», официально опубликованный в «Силезской привилегированной газете» три дня спустя. Это был уникальный случай в истории прусского королевства, ведь впервые монарх обращался к своему народу с просьбой встать на защиту Родины. В манифесте чётко звучали религиозные мотивы: цели войны (освобождение от французской гегемонии, достижение национальной независимости) объявлялись священными, а Бог упоминался как важный союзник пруссаков в предстоящей борьбе [36, pp. 90-91].

В тот же день, 17 марта, было издано «Распоряжение об организации Ландвера», той самой прусской национальной милиции, на создании которой настаивал генерал Шарнхорст накануне войны 1806 года. Согласно распоряжению, в Ландвер в качестве добровольцев набирались все военнообязанные мужчины в возрасте 17 – 40 лет. Для облегчения призыва в национальную милицию были созданы специальные военные округа, число призывников зависело от численности населения того или иного округа. В случае если добровольцев не хватало, вводилась система жребия, таким образом, можно утверждать, что весной 1813 года в Пруссии фактически была введена всеобщая воинская повинность (официаль-

но – 3 ноября 1814 года) [30, pp. 16-17]. В апреле 1813 года был также создан Ландштурм, в который набирались все не призванные в регулярную армию и в Ландвер лица мужского пола от 15 и до 60 лет [17, p. 170]. Эффективность государственной политики по привлечению добровольцев в Ландвер по-разному оценивается в литературе, однако большинство авторов сходится на том, что к маю 1813 года численность Ландвера составляла 50 000 человек, а к августу 1813 года уже около 113 000 человек, что составляло почти половину (46%) от общего числа прусских войск (регулярная армия насчитывала чуть больше – 119 000 человек или 48,5% от общего числа доступных войск). По оценкам исследовательницы Карен Хагеманн, к началу осенней кампании 1813 года в прусскую армию было призвано около 10% всего мужского населения страны – для начала XIX века – это весьма значительная цифра [11, p. 38].

Массовая мобилизация населения в армию сопровождалась активной военно-патриотической пропагандой, которая во многом основывалась на религиозной терминологии, что, вероятнее всего, и объясняет её успешность. Так, официальным девизом Ландвера была объявлена формула «С Богом за короля и Отечество!», ставшая логичным продолжением тех идей, которые развивались в манифесте короля «К моему народу». Этот лозунг сочетал в себе как старые, традиционные представления, так и новые, революционные. Выдвигая в качестве важного патриотического символа фигуру короля, правительство апеллировало к традиционному монархизму населения, в особенности низших городских слоёв и крестьянства. Идея абсолютной королевской власти сочеталась с новым представлением об Отечестве, во имя которого и должны были воевать добровольцы, записывавшиеся в Ландвер. Предложенная патриотическая формула создавала в сознании прусских солдат представление о некоей единой для всех пруссаков Родине, во имя спасения которой и велась война против Франции, тем самым конструировалось само понятие прусской нации, популярное в публицистической литературе эпохи Освободительных войн. Совершенно новым было упоминание Бога, который благодаря этой формуле словно лично вмешивался в военные дела на стороне Пруссии, выступая тем самым наиважнейшим союзником прусской армии. Апелляция к Богу как активнейшему участнику военных действий также станет общим местом прусской и немецкой национально-патриотической литературы [10, p. 28]. Лозунг «С Богом за короля и Отечество!» изначально был девизом Ландвера, однако уже с осени 1813 года являлся настолько популярным, что стал символом Освободительной войны всего прусского народа против иноземных захватчиков. Эта формула стала, пожалуй, самым эффективным изобретением прусской государственной пропаганды.

Весной 1813 года приобретает особый смысл и другой, не менее важный религиозный символ – крест. 10 марта 1813 года, в день рождения своей покойной супруги Луизы, король Фридрих Вильгельм III учреждает новую военную награду – знаменитый Железный крест. Это был первый в европейской истории орден, который вручался за военные заслуги всем лицам независимо от их происхождения, социального статуса или военного звания. Эта уникальная особенность присуждения ордена была связана с введением в Пруссии всеобщей воинской повинности и необходимостью мобилизации широких масс населения и мотивации их на борьбу против врага. Форма креста была избрана не случайно – во-первых, это был популярный христианский символ, понятный большинству населения, во-вторых, крест придавал совершенно

иной смысл военной кампании против Наполеона. Этот символ означал, что на стороне пруссаков и их союзников воюет сам Господь, а война против Франции представлялась в качестве крестового похода против безбожного французского народа [24, р. 39]. Помимо Железного креста в Пруссии также была учреждена специальная медаль для добровольцев, отличившихся во время военных сражений. На передней стороне медали была выбита надпись: «Бог был с нами. Слава Ему!», а под ней располагался символ креста. В годы Освободительных войн крест стал воплощением народной борьбы против общего врага и вышел далеко за пределы Пруссии, в частности, подобные высшие военные награды были учреждены также в Бремене, Любеке и Гамбурге (так называемый Ганзейский крест), Мекленбурге, Саксонии, Вестфалии. Во Франкфурте и в Австрии также издавались памятные монеты и медали с изображением креста [10, р. 89]. Использование креста в качестве важнейшего военно-патриотического символа было общенемецким явлением.

Пруссские власти не только активно прибегали к религиозной аргументации, чтобы обосновать необходимость войны против наполеоновской Франции, но и стремились использовать в полной мере мобилизационные ресурсы протестантской церкви. Ещё в 1808 году, планируя поднять восстание против французов, Шарнхорст предлагал прибегнуть к помощи прусского протестантского духовенства для укрепления патриотического духа населения, однако на тот момент этот проект был нереализуем [26, р. 85]. Но великий реформатор не отказался от идеи привлечь священников к военно-патриотической деятельности: 28 марта 1811 года в Пруссии было принято «Военно-церковное уложение», согласно которому в прусской армии создавался институт полковых проповедников. В соответствии с «Уложением», в каждом кавалерийском или пехотном полку должен был присутствовать хотя бы один проповедник, подобная должность учреждалась и в крупных крепостях. В мирное время призванные в армию священнослужители подчинялись регулярным органам церковного управления, в то время как на случай войны предусматривалось создание специальной военно-церковной службы во главе с капелланом (Feldpropst), которому подчинялись все полковые священники [24, р. 83]. Несмотря на то, что массовой мобилизации духовенства в регулярную армию добиться не удалось (к осени 1813 года в прусские вооружённые силы были призваны всего 6 католических и 21 протестантский священник), тем не менее можно отметить ярко выраженное стремление прусского правительства использовать влияние церкви на сознание солдат. В задачи полковых священников входила не только организация богослужений в армии, а также чтение патриотических проповедей. Всё это должно было поддерживать на должном уровне боевой дух в прусской армии. При этом патриотическая пропаганда неизбежно облекалась в религиозные формы [11, pp. 145-146].

Духовенство активно привлекалось и к деятельности Ландвера. Очень многие выдающиеся прусские проповедники в качестве добровольцев вступали в Ландвер. К примеру, известно, что один из крупнейших немецких богословов и философов первой половины XIX века Фридрих Шлейермахер весной 1813 года лично принимал участие в боевых тренировках Ландвера, готовясь защищать Берлин в случае наступления французской армии на прусскую столицу [2, р. 269]. Однако, конечно, в первую очередь пасторы должны были организовывать религиозную жизнь добровольцев: проводить богослужения, читать проповеди, совершать различные христианские обряды (популярными в 1813 – 1814 годах ста-

ли специальные венчания бойцов Ландвера с их невестами, наполненные военной и религиозной символикой), освещать полковые знамёна и даже вести поимённые списки записавшихся в Ландвер добровольцев [9, р. 36].

Но самая главная задача, которая возлагалась государством на священников – приведение добровольцев к присяге. Эта процедура обычно организовывалась в виде религиозного праздника и чаще всего проходила в местной церкви. Идеологическая значимость приведения к присяге заключалась в том, что во время этой торжественной церемонии доброволец получал вполне чёткую и обоснованную мотивацию своих поступков: он должен был сражаться за своего короля (упоминание монарха было обязательным), за прусский народ и за свободу прусского Отечества, при этом, как всегда подчёркивали священники, приводившие бойцов к присяге, ответственность за свои действия каждый новобранец нёс лично перед Богом. В проповедях, прочитанных по случаю приведения к присяге того или иного батальона Ландвера, пасторы обращали особое внимание молодых солдат на то, какие наказания их ждут за нарушение данной клятвы на верность королю и Отечеству, а также в прямом смысле слова обещали путь в рай в случае героической смерти на поле брани [18, р. 84]. По мнению немецкого историка Йорга Эктернкампа, подобные обещания не просто эксплуатировали традиционные примитивные представления обычных людей о загробной жизни, но и выполняли очень важную мобилизационную функцию – поднимали боевой дух солдат, обеспечивали их готовность умирать во имя Бога, короля и Отечества и одновременно освобождали от страха смерти [7, р. 154]. Мотивация сражаться и умирать во имя патриотических ценностей опять же обеспечивалась с помощью религиозной аргументации.

Неизбежно затрагивая тему смерти на поле боя, священники привносили в патриотический дискурс эпохи религиозное представление о жертве во имя высших ценностей. В военно-патриотической пропаганде укоренилось представление о самопожертвовании ради спасения политического коллектива (народа, нации, Отечества). Подобные идеи не были изобретением прусских и немецких патриотов начала XIX в. и стали зарождаться в недрах немецкого пиетизма ещё в середине XVIII столетия. В частности, мотив священной смерти ради спасения Родины в том или ином виде присутствует в трудах Иоганна Каспара Лафатера, Фридриха Клопштока, Готхольда Лессинга и других представителей немецкой литературы эпохи Просвещения [21, р. 131]. Однако подлинно массовое применение формула «жертва на алтарь Отечества» нашла уже во время Освободительных войн. При этом и светские, и религиозные публицисты в качестве образца истинной жертвенности использовали образ Иисуса Христа, который стал невероятно популярным в 1813 – 1815 годах. Парадокс заключался в том, что с точки зрения христианства Иисус Христос вознёсся на небо во имя всего человечества, а не только еврейского народа, однако в немецкой патриотической литературе начала XIX века Сын Божий представлялся в первую очередь как патриот, безмерно любивший свой народ и принёсший себя в жертву в первую очередь ради спасения своих сограждан. Совсем не случайно проповедники, приводя к присяге добровольцев Ландвера, сравнивали смерть солдата на поле боя с жертвенной смертью Христа на кресте. Точно так же, как Иисус освободил своих собратьев от первородного греха, так же прусские и немецкие солдаты должны освободить своих сограждан от позорного иноземного владычества [29, р. XI]. В одной из проповедей весны

1813 года можно встретить подобные слова: «Мы знаем, что Он (Иисус Христос – Д.С.) жил только ради своего народа. Ему посвятил он свою тяжёлую, неутомимую жизнь... Но точно также, ради избавления своего Отечества от страшного проклятия, он пожертвовал своей жизнью. Он сам говорил: «Я ниспослан заблудшим овцам израильского народа». О своём народе он проливал горькие слёзы, ради его спасения он истекал кровью и умер на кресте. Точно так же должны мы относиться к нашему Отечеству, делать всё ради его блага, жить ради нашего Отечества и умереть ради него» [13, р. 13-14]. Подобные призывы пожертвовать своей жизнью ради спасения Родины с обязательной ссылкой на Иисуса стали общим местом прусской религиозно-патриотической литературы периода Освободительных войн. Отсылки к фигуре Христа находили своё выражение также в тех понятиях, которые стали наиболее употребительными в 1813 – 1815 годах. В частности, проповедники описывали состояние Пруссии как «воскрешение» (Auferstehung) и «возрождение» (Wiedergeburt), уподобляя Христу весь прусский народ в целом [16, р. 156].

Для поддержания высокого патриотического духа среди населения прусское правительство прибегало и к таким акциям, как организация религиозно-патриотических праздников в честь одержанных военных побед над французами. Само начало войны с Францией было отмечено специальными праздничными богослужениями, которые сначала прошли в Берлине (28 марта 1813 г.), а в начале апреля и во всех остальных городах и провинциях королевства. Все крупные и даже самые мелкие победы пруссаков и их союзников весной и осенью 1813 года отмечались целой серией религиозно-патриотических праздников, наиболее грандиозные из которых были устроены в честь битвы под Лейпцигом, а также по поводу взятия Парижа весной 1814 года [20, pp. 306, 317-318, 320]. Праздничные богослужения сопровождались чтением патриотических проповедей, колокольным звоном, распеванием библейских псалмов, торжественными шествиями и демонстрациями. Прусское правительство в обязательном порядке предписывало духовенству зачитывать населению официальные манифесты, так, к примеру, содержание королевского воззвания «К моему народу» большинство пруссаков узнали именно с церковных амвонов. Неотъемлемой частью каждого праздника являлись сборы пожертвований для раненых солдат, а также для сирот и вдов тех, кто отдал жизнь на поле боя во имя короля и Отечества [11, р. 474]. Стоит также отметить то обстоятельство, что наиболее крупные религиозно-патриотические празднества чаще всего приурочивались к прусским государственным праздникам (день рождения короля, День коронации, 400-летие дома Гогенцоллернов), что свидетельствует о том, что попутно прусское политическое руководство стремилось укрепить в населении лояльность к правящей династии, верность королю и монархии. Но всё же в первую очередь праздничные мероприятия организовывались для того, чтобы убедить подданных прусского короля в том, что в данной войне Господь на стороне Пруссии и её союзников, Он лично ведёт прусскую армию к победе. Подобная религиозно-патриотическая аргументация должна была обеспечить готовность каждого пруссака приносить жертвы (физические или материальные) ради достижения общей цели – победы над врагом.

Мобилизационным задачам служил и негативный образ этого самого врага, против которого воевала Пруссия. Конструировался этот образ опять же преимущественно с помощью религиозной аргументации. Самым главным противником всей прусской нации был объявлен французский император

Наполеон Бонапарт, над крайне неприглядным обликом которого работали как светские, так и религиозные публицисты. В годы Освободительных войн мы можем наблюдать самую настоящую демонизацию Наполеона, который в проповедях, патриотической лирике и публицистике предстаёт как дьявол, сын Сатаны, демон, который поднялся из самых глубин ада, чтобы уничтожить законный божественный порядок. К примеру, крупнейший немецкий патриот и публицист начала XIX Эрнст Мориц Арндт сравнивал Бонапарта с падшим ангелом, поднявшим бунт против небесного Отца. В сентябре 1812 года, умоглядно обращаясь к французскому императору, поэт и публицист писал по поводу московского пожара: «Ты восседаешь на своём троне словно Сатана в самом центре ада», сам же московский пожар Арндт сравнивал с Апокалипсисом, а Наполеона – с явившимся на землю Антихристом [34, р. 48]. Генрих фон Клейст называл Бонапарта «злым духом, началом зла и концом добра, величайшим грешником», в стихах поэт обличал императора как «исчадие ада» и «безбожника», который хочет уничтожить христианскую религию [7, р. 157]. Одним из наиболее эффективных средств демонизации Наполеона служили карикатуры, которые изображали французского императора в виде дьявола, сына или слуги Сатаны. Невероятно популярной стала анонимная карикатура 1813 года, представляющая Наполеона в виде завернутого в пелёнки младенца на руках дьявола. Другим каноничным сюжетом стало пребывание Наполеона в аду, где он либо восседает на троне, либо окружён чертами и прочей нечистью, которая образует его свиту [28, pp. 179-180, 385-386].

Подобная аргументация применялась и к французам, против которых сражались пруссаки непосредственно на поле боя. В повседневной литературе светские и духовные авторы обращали внимание своих читателей на такие характерные черты французской нации, как склонность к богохульству, злоупотребление земными, плотскими удовольствиями, тяга к распутному, развратному образу жизни, презрение к религии, полное пренебрежение морально-нравственными ценностями. Не случайно в патриотических проповедях Париж, столица враждебной Франции, сравнивался с Содомом или Вавилоном [18, pp. 129-130]. В сознании пруссаков создавался двойной образ врага – как врага национального, угрожающего уничтожить независимость прусской нации, и как врага религиозного, который стремится лишить пруссаков их религии – протестантизма [7, р. 158]. В отличие от безбожных французов, пруссаки и – шире – немцы обладали такими чертами национального характера, как глубокая религиозность, набожность, благочестие, уважение к религии и церкви. Из этих базовых национальных качеств проистекали и другие, не менее важные черты пруссаков/немцев, такие, как честность, мужество, храбрость, добродетельность, справедливость, честность, любовь к порядку и закону [11, р. 237]. Таким образом, негативный образ врага служил не только мобилизационным целям, но и для самоидентификации как народа, нации, при этом водораздел между французами и пруссаками/немцами проходил именно по линии религиозности.

Привнесение религиозных мотивов в образ врага придавал совершенно иной смысл войне против него. Пруссак вели не просто войну национальную, во имя короля, народа и Отечества, но войну священную, ради высших, небесных ценностей. Война праведных и набожных пруссаков против Антихриста и Сатаны Наполеона, против безбожной французской нации воспринималась как борьба добра и света против абсолютного зла и тьмы. Одним из наиболее ярких пропагандистов «священной войны» против Франции был Эрнст

Мориц Арндт, который в одном из своих наиболее известных произведений «Что означают Ландштурм и Ландвер?» писал: «Эта война, которая начинается сейчас, является войной священной и справедливой, ибо ведётся она во имя религии, свободы и справедливого мирового порядка против нечестивости, тирании и насилия» [1, р. 31]. Войну во имя свободы и независимости Отечества Арндт считал священной и дозволенной самим Господом, и победить в такой войне, по мнению публициста, можно было только с помощью религии и истинной веры [1, pp. 16-17]. В данном контексте война против Франции представляла как крестовый поход святого войска против армии безбожников – именно так воспевал Освободительную войну знаменитый поэт Теодор Кёрнер в своём самом значимом стихотворении 1813 года «Призыв» [35, р. 25]. Сакрализацию войны можно также наблюдать и в стихах прусского поэта Макса фон Шенкендорфа, который в июне 1813 года опубликовал стихотворение, посвящённое кончине генерала Герхарда фон Шарнхорста. Мученическую смерть выдающегося прусского военного деятеля поэт возводит в ранг священной жертвы во имя короля и Отечества, тем самым представляя Освободительную войну против иноземного господства одновременно как религиозный долг каждого пруссака и немца [32, р. 66].

Средствами пропаганды «священной войны» являлись не только публицистические сочинения и патриотическая лирика, но также политические проповеди. Прусское протестантское духовенство внесло не меньший вклад в сакрализацию войны, чем светские публицисты. Священники прекрасно отдавали себе отчёт в том, что проповедование войны не отвечает базовым заветам христианства, именно по этой причине они особенно усердно пытались средствами религии обосновать право каждого пруссака сражаться против врага. Выход был найден в разделении войны на «несправедливую», то есть ведущуюся ради захватов чужих территорий и покорения свободных народов, и на «справедливую», то есть оборонительную, цель которой заключается в изгнании врага из родной земли. Именно в рамках такой дихотомии проповедовал весной 1813 года прусский сельский пастор Раймунд Дапп: «Война – это зло, Господь хочет мира. Но он не хочет, чтобы мы мирились с преднамеренными и заносчивыми актами насилия. Он хочет, чтобы мы мужественно боролись против них, дабы тем самым внести свой вклад в воцарение мира и благополучия. Война справедлива и даже необходима, если она ведётся против врагов, которые оскорбляют наше Отечество. Это происходит сегодня, каждый должен это признать... А так как каждый из нас принадлежит нашему Отечеству и страдает вместе с ним, значит, каждый обязан защищать его» [6, р. 36]. В проповеди другого сельского пастора того же года мы читаем: ««Что означает хотеть сейчас войны? Это означает, что должно прийти к концу наше рабство, должно пасть мучавшее нас иго, должны быть сломаны наши оковы, наш народ должен вернуть себе свою свободу и свою независимость... и снова радоваться своему королю и его королевскому дому. Мы хотим защитить и спасти наши нравы и наши законы, наш язык и нашу свободу совести... Именно по этой причине я сегодня проповедую войну, а не мир» [33, р. 41]. Проповедник не случайно упоминает защиту свободы совести как одну из целей войны – отправляющиеся на фронт прусские солдаты должны понимать, что они идут сражаться не только ради себя, своих семей и своей страны, но и ради своей религии. Как справедливо отмечает Герхард Граф, для пруссаков в частности и немцев в целом борьба против Наполеона представлялась как крестовый поход во

имя веры, по отношению к французам – как акт национального экзорцизма, изгнания «дьявола», «Сатаны» из тела соседней нации [10, р. 83].

После победоносного завершения войн против Франции перед прусским государством встала другая важная задача – меморализация Освободительной войны, сохранение памяти о военных событиях 1813 – 1815 годов. Для достижения этой цели вновь использовалась религиозная символика как наиболее уместная и эффективная. На протяжении 1816 года в Пруссии было проведено несколько религиозно-патриотических праздников, главный из которых был назначен на 4 июля 1816 г. Праздник был приурочен ко дню капитуляции Франции (4 июля 1815) и официально отмечался как день поминовения всех прусских солдат, павших на поле боя. Организация соответствующих мероприятий была возложена на прусское духовенство, а сама памятная дата отмечалась в виде праздничного богослужения, сопровождаемого чтением речей и проповедей в честь погибших солдат, распеванием религиозных и военных песен, колокольным звоном и пальбой из пушек, религиозными процессиями и военными парадами, а также сбором пожертвований для вдов и сирот героев Освободительной войны. В качестве объекта религиозно-патриотического поклонения выступала местная (городская или сельская) церковь, внутреннее убранство которой сочетало в себе как религиозную, так и военную тематику. Согласно правительственному предписанию, церкви следовало украшать полковыми знамёнами, штандартами, элементами военной экипировки, отечественным и взятым в плен вражеским оружием. На самое видное место в церкви должны были быть выставлены военные ордена награждённых посмертно солдат [11, р. 501]. Иногда в церквях также вывешивались портреты самых известных прусских генералов (Шарнхорст, Блюхер), особенной популярностью пользовался также портрет прусского короля Фридриха II. Правительство также предписывало священникам вывешивать в церквях таблички с именами тех членов прихода, кто отправился в качестве добровольца на войну против французов и не вернулся с фронта. По желанию родственников в местную церковь могли также передаваться предметы личного характера, такие, как письма или дневники погибших. Тем самым создавался пантеон национальных героев-мучеников священной войны, отдавших жизни во имя короля, Отечества и прусского народа [7, р. 156]. Этот культ был обращён не только в настоящее (укрепление патриотических и в первую очередь монархических чувств среди населения, создание представления о прусской общности, прусской государственной нации), но и в будущее. Героическая смерть солдат на поле боя должна была служить примером для последующих поколений.

Наполеоновская эпоха принесла с собой совершенно новое и неизвестное доселе явление – массовую мобилизацию населения на защиту политического коллектива. С этим процессом были тесно связаны два других – формирование нового отношения общества к войне, а также конструирование представления о некоей национальной общности, которая объединяет всё население какой-либо территории или государства, при этом данная воображаемое сообщество требует материальных жертв во имя своего спасения от агрессии со стороны других подобных общностей. Эти процессы имели место и в Германии, в частности в Пруссии, где новые представления о войне и нации создавались как ответ на вызов со стороны наполеоновской Франции. В качестве основного средства обоснования патриотической идеологии служили религиозные образы и символы, которые были понятны

большинству населения и могли обеспечить эффективность требуемой военной мобилизации. Религия также служила средством легитимации войны, убийство национального врага на поле боя объявлялось священной обязанностью каждого члена политического коллектива, а смерть во имя этого коллектива представлялась почётной и священной. Пример Пруссии, где в годы Освободительных войн сложился государственный монархический патриотизм с ярко выраженным религиозным оттенком, позволяет обратить внимание исследователей на роль религиозного фактора в процессе модернизации европейских обществ в начале XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Arndt E.M. Was bedeutet Landsturm und Landwehr? Nebst einer Mahnung an deutsche Männer und Junglinge in Preussens rheinischen Landen. Köln, **1815**.
2. Aus Schleiermachers Leben. In Briefen. Bd. 1-4. Berlin, 1860-1863. Photomechanischer Abdruck. Berlin – New-York, **1974**. Band 2.
3. Buschmann N. Einkreisung und Waffenbruderschaft. Die öffentliche Deutung von Krieg und Nation in Deutschland 1850-1871. Göttingen, **2003**.
4. Carl H. Der Mythos des Befreiungskrieges. Die „martialische Nation“ im Zeitalter der Revolutions- und Befreiungskriege 1792-1815. In: Föderative Nation. Deutschlandkonzepte von der Reformation bis zum Ersten Weltkrieg. Herausgegeben von Dieter Langewiesche und Georg Schmidt. München, **2000**. Pp. 63-82.
5. Dann O. Vernunftfrieden und nationaler Krieg. Der Umbruch im Friedensverhalten des deutschen Bürgertums zum Beginn des 19. Jahrhundertp. In: Kirche zwischen Krieg und Frieden. Studien zur Geschichte des deutschen Protestantismus. Herausgegeben von Wolfgang Huber und Johannes Schwerdtfeger. Stuttgart, **1976**. Pp. 169-220.
6. Dapp R. Entwurf zur Predigt, das Volk zur Teilnahme am Kriege aufzufordern // Gemeinnütziges Magazin Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande oder in kleinen Städten. Band 7. Stück 2. Berlin und Stettin, **1815**. Pp. 35-38.
7. Echternkamp J. „Religiöses Nationalgefühl“ oder „Frömmerei der Deutschtümler“? Religion, Nation und Politik im Frühnationalismus. In: Haupt H.-G., Langewiesche D. (Hg.). Nation und Religion in der deutschen Geschichte. Frankfurt am Main, **2001**. Pp. 142-169.
8. Echternkamp J. „Von deutschen Kriegs- und Wehrmann“. Nationalismus, Krieg und Militär in der Zeit der antinapoleonischen Kriege. In: Nationalstaat, Nationalismus und Militär. Herausgegeben von Hans Ehlert und Winfried Heinemann. Potsdam, **2007**. P. 83 – 90.
9. Graf G. Ermittlungen zur preußischen Kriegspredigt 1813 – 1815. In: Pietismus und Neuzeit. Ein Jahrbuch zur Geschichte des neueren Protestantismus. Band 9. Schwerpunkt: Kirche und Frömmigkeit im Übergang von 18. zum 19. Jh. Göttingen, **1983**. P. 32 – 55.
10. Graf G. Gottesbild und Politik. Eine Studie zur Frömmigkeit in Preußen während der Befreiungskriege 1813 – 1815. Göttingen, **1993**.
11. Hagemann K. „Männlicher Muth und teutsche Ehre“. Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der antinapoleonischen Kriege in Deutschland. Paderborn u.a., **2000**.
12. Handbuch der preußischen Geschichte. Band II. Das 19. Jahrhundert und Große Themen der Geschichte Preußenp. Herausgegeben von Otto Büsch. Berlin, 1992.
13. Hanstein G. A. L. Auch die Gaben und Opfer, welche das Vaterland fordert, sind eine heilige Pflicht und haben einen herrlichen Lohn. Ein Predigt am 11ten Julius 1813 vor der St.-Petri Gemeinde gehalten und allen Mitbürgern im Vaterlande geweiht. Berlin, ohne Datum.
14. Hastings A. The Construction of Nationhood. Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge, **2003**.
15. Hayes C.J. Nationalism. A Religion. New-York, **1960**.
16. Heger A. Evangelische Verkündigung und deutsches Nationalbewusstsein. Zur Geschichte der Predigt von 1806 – 1848. Berlin, **1939**.
17. Hermann C.H. Deutsche Militärgeschichte. Eine Einführung. Frankfurt am Main, **1966**.
18. Hoover A. J. The Gospel of Nationalism. German patriotic preaching from Napoleon to Versailles. Stuttgart, **1986**.
19. Janssen W. Krieg und Frieden in der Geschichte des europäischen Denkenp. In: Kirche zwischen Krieg und Frieden. Studien zur Geschichte des deutschen Protestantismus. Herausgegeben von Wolfgang Huber und Johannes Schwerdtfeger. Stuttgart, **1976**. P. 68 – 129.
20. Jungklans R. Wie die Ereignisse der Freiheitskriege zu ihrer Zeit in Berlin kirchlich gefeiert worden sind. In: Jahrbuch für brandenburgische Kirchengeschichte. 11. und 12. Jahrgang. Berlin, **1914**.
21. Kaiser G. Pietismus und Patriotismus im literarischen Deutschland. Ein Beitrag zum Problem der Säkularisation. Wiesbaden, **1961**.
22. Kernic F. Krieg, Gesellschaft und Militär. Eine kultur- und ideengeschichtliche Spurensuche. Baden-Baden, **2001**.
23. Kunisch J. Fürst – Gesellschaft – Krieg. Studien zur bellizistischen Disposition des absoluten Fürstenstaates. Köln, u.a. **1992**.
24. Kunze G. Die religiöse und nationale Volksstimmung in Preußen während der Freiheitskriege 1813 – 1815 (Auf Grund der Kriegsliedern, soldatischen Zeugnissen, Kriegsberichten und kirchlichen Nachrichten). Oppeln, **1940**.
25. Müller R.-D. Militärgeschichte. Köln, **2009**.
26. Münchow-Pohl B. Zwischen Reform und Krieg. Untersuchungen zur Bewußtseinlage in Preußen 1809 – 1812. Göttingen, **1987**.
27. Myhill J. Language, Religion and National Identity in Europe and the Middle East. Amsterdam-Philadelphia, **2006**.
28. Napoleon I. in der deutschen Karikatur. Herausgegeben von Gisela Vetter-Liebenow. Hannover, **1994**.
29. Politische Predigten 1727 – 1866. Niedersächsische Beispiele aus Krieg und Frieden. Herausgegeben von Reinhard Oberschelp. Hildesheim, **1985**.
30. Schmidt D. Die preußische Landwehr 1813. Berlin, **1987**.
31. Schmidt M. Die Apotheose des Krieges im 18. und frühen Jahrhundert im deutschen Dichten und Denken. In: Kirche zwischen Krieg und Frieden. Studien zur Geschichte des deutschen Protestantismus. Herausgegeben von Wolfgang Huber und Johannes Schwerdtfeger. Stuttgart, **1976**. P. 130 – 166.
32. Schulz G. Die deutsche Literatur zwischen Französischer Revolution und Restauration. Zweiter Teil. 1806 – 1830. München, **1989**. (Geschichte der deutschen Literatur. Band VII/2).
33. Schulze Ph. Predigt am Tage des Ausmarsches der vaterländischen Krieger, den 28sten März 1813 // Gemeinnütziges Magazin... Berlin und Stettin, **1817**. Schlußband. P. 38 – 49.
34. Stählin F. Napoleons Glanz und Fall im deutschen Urteil. Wandlungen des deutschen Napoleonbildes. Braunschweig, **1952**.
35. Theodor Körners sämtliche Werke. Vierter Band. Karlsruhe, 1827.
36. Universal-Geschichte unsers Zeitalters seit dem Anfange der französischen Revolution, nebst Anekdoten. Fünftes Buch. Nürnberg, **1814**.

Поступила в редакцию 24.01.2017